

(Окончаніе *).

Послѣдняя недѣля пребыванія московской труппы—это рядъ триумфовъ г-жи Ермоловой. Послѣ великодушной Сафо, жертвующей собою для своего избранника, артистка играетъ роль нашей русской львицы, Татьяны Рѣпиной, тоже покидаемой возлюбленнымъ, которому она собирается метить и котораго прощаетъ только тогда, когда всѣ расчеты съ жизнью для нея покончены, когда сама она дѣлается „не отъ міра сего“. Послѣ Катерины, обманывающей нелюбимаго мужа съ болью въ сердцѣ, которая приводитъ ее къ катастрофѣ,—слѣдуетъ классическая Федра, также измѣняющая Тезею съ отвращеніемъ къ своему преступленію... Всѣ эти разновидности женщины, сильной темпераментомъ, сильной душою, въ этой душевной силѣ находящей свое горе, приводящее къ трагической развязкѣ,—г-жа Ермолова изображаетъ чрезвычайно разнообразно. Всѣ эти роли какъ нельзя болѣе выгодно для артистки смѣняются послѣдовательно одна другою, и получается образъ, яркій, выпуклый, всѣмъ дѣлающийся знакомымъ и дорогимъ. Г-жа Ермолова, что называется, живетъ на сценѣ, переживаетъ изображаемое ею лицо; но, входя въ свою роль, артистка типически вѣрна той средѣ, въ которой происходитъ дѣйствіе, вѣрна самой жизни, гдѣ дѣйствующія лица не всегда говорятъ передъ публикой, не всегда чувствуютъ, что на нихъ устремлены взоры тысячи зрителей, гдѣ приходится не „играть“, а говорить и дѣйствовать просто, безъ аффектаціи и пафоса, и гдѣ внутренняя сила только моментами вырывается наружу, но за то вырывается неудержимымъ потокомъ. Эту особенность исполненія г-жи Ермоловой нѣкоторые ставятъ въ укоръ артисткѣ, полагая, что она ненамного играетъ неровно, безъ непрерывнаго

воздѣйствія на первыхъ зрителей. Но достаточно видѣть ее въ трехъ, четырехъ ея лучшихъ роляхъ, чтобы замѣтить въ исполненіи, помимо глубокаго пониманія роли, тонкій расчетъ, подсказываемый какъ художественнымъ чувствомъ, такъ и психологическою правдою. Какъ въ природѣ послѣ бури наступаетъ тишина, такъ и въ жизни выпышки и порывы страсти смѣняются спокойное состояніе чувства, и на сценѣ артистка воспроизводитъ всѣ эти перипетіи, никогда не увлекаясь эффектами, иногда дешевыми, никогда не раболомствуетъ передъ толпою, а играетъ всегда вполне сознательно.

И Татьяна, и Катерина у г-жи Ермоловой, по своему, были и нѣжны, и сердечны. Голосъ артистки, со своеобразнымъ тембромъ, врѣзывается и запечатлѣвается въ васъ; вы прекрасно различаете всѣ его модуляціи и находите, что такъ именно должна была ласкать Катерина Бориса, такъ капризничаетъ Татьяна, не салонная львица, а русская провинціальная актриса, которая своевольничаетъ въ пику своему обожателю, любимому ею, однако, больше жизни... Въ драматическихъ мѣстахъ г. Ермолова, безспорно, всегда величественна, всегда привлекаетъ къ себѣ сердца зрителей, играетъ ли она въ бытовыхъ или классическихъ роляхъ. Здѣсь ея Татьяна Рѣпина показываетъ львиные когти, она дерзко, вызываяще ведетъ себя съ людьми, ей посторонними, готова идти на что угодно, чтобы отомстить соперницѣ, а кончаетъ, какъ уже сказано, полною реакціей. Въ „Грозѣ“ г-жа Ермолова ненадражаемо хороша, начиная съ перваго дѣйствія до послѣдняго. Колѣбаніе и затѣмъ быстрая рѣшимость, грѣшныя мечты и мучительный душевный разладъ, слѣдующій за паденіемъ, наконецъ, состояніе отчаянія, почти столбняка, въ которое впадаетъ Катерина послѣ признанія мужу и свекрови и въ которомъ она ничего не замѣчаетъ, а очнувшись, бросается въ Волгу,—эти сцены потрясаютъ публику до такой степени, что послѣ нихъ, когда артистка выходитъ на вызовы, по окончаніи дѣйствія, страннымъ кажется, что г-жа Ермолова весело улыбается и раскланивается съ публикою,—

она, не играющая на сценѣ ни одной веселой роли, не смѣющаяся тихимъ, беззаботнымъ смѣхомъ, подкупающимъ самаго равнодушнаго зрителя.

„Федра“ поставлена была въ концѣ спектаклей, но съ нея, пожалуй, слѣдовало начать—такъ прекрасна въ ней г-жа Ермолова. Въ „Маріи Стюартъ“, въ первой сценѣ, принимаая на себя преждевременно, какъ намъ казалось, личицу отчаянія, какъ бы пророческаго, артистка производила невыгодное впечатлѣніе, не совсѣмъ согласное съ характеромъ шотландской королевы, особы вѣтренной и легкомысленной, и во всякомъ случаѣ еще не потерявшей надежды на спасеніе въ началѣ дѣйствія; но въ „Федру“ этотъ удрученный, подавленный съ самаго перваго выхода видъ какъ нельзя болѣе кстати гармонировалъ съ состояніемъ души соломенной вдовы Тезея, терзаемой борьбою между сжигающею страстью и долгомъ. Самую свою страсть Федра считаетъ наказаніемъ, посланнымъ ей богами; самой ей эта страсть ненавистна, она уступаетъ противъ воли, не имѣя возможности бороться; тѣмъ не менѣе, она отъ всѣхъ причетъ свою любовь къ Ипполиту, старается сдѣлать изъ нея тайну и сердится, когда тайна обнаружена, сваливая вину съ большой головы на здоровую. Эту хитрость дочери Евы г-жа Ермолова изображаетъ замѣчательно рельефно, не оставляя безъ вниманія ни одного движенія, ни одного звука. Все здѣсь размѣрено и предусмотрено у артистки, блестящей богатствомъ и разнообразіемъ мимическихъ приемовъ. Признаніе въ любви Ипполиту, безумныя рѣчи, произносимыя прерывистымъ, задыхающимся голосомъ, потомъ гнѣвъ, ревность, отчаяніе... Ревность у г-жи Ермоловой такъ-же великолѣпна, какъ злорада у Сары Бернаръ. Четвертый актъ „Федры“, такъ или иначе напомнимъ намъ „Тоска“ по тому потрясающему впечатлѣнію, какое онъ производитъ; на каждомъ шагу, въ каждой сценѣ вы видите здѣсь вдохновеніе, работу мысли и нервовъ,—и какъ далеки отъ васъ тѣ моменты, когда вы дивились холодности артистки въ роли Маріи Стюартъ или актрисы Нѣгиной, изображаемыхъ безъ той нѣжности, къ интерпрета-

ціи которой насъ приучили другія исполнителыни. Повторяемъ, съ „Федры“ слѣдовало бы начать...

Въ „Татьянѣ Рѣпиной“, вмѣстѣ съ главною исполнительницею, по крайней мѣрѣ, на первомъ представленіи этой пьесы, въ роли соперницъ Рѣпиной, вѣрно Александрны Олениной, показала въ послѣдній разъ г-жа Лешковская. Въ третьемъ актѣ, въ самый критическій моментъ, когда Рѣпина является въ квартиру Олениной и „дѣлаетъ сцену“ ей и Сабину, г-жа Лешковская великолѣпно парируетъ нападеніе Рѣпиной; артистка вторитъ г-жѣ Ермоловой, держащей приму, и даже беретъ верхъ надъ нею въ послѣдней сценѣ. Играя салонныхъ героинь и кокетокъ, г-жа Лешковская поразительно вѣрно олицетворяетъ эти типы, съ ихъ свѣтскою выдержкою, въ своемъ родѣ дисциплиною, съ ихъ непринужденностью въ манерахъ, граціею, изяществомъ тона. Обольщеніе и обольстительность сливаются у г-жи Лешковской въ одно цѣлое. Эта Оленина, Глафира въ „Возкахъ и овцахъ“, Вышневолоцкая въ „Послѣдней волѣ“, всѣ эти роли,—такъ сказать, послѣднее слово артистки,—безспорны по тонкой отдѣлкѣ деталей, по богатству внѣшнихъ средствъ и приемовъ. Художественное чутье, вкусъ, школа, безавѣтная преданность дѣлу совмѣщаются у г-жи Лешковской, и артисткѣ, по всему видно, предстоитъ блестящая будущность. Благодаря ей, небольшая роль Олениной, отнявшейся отъ Рѣпиной любовника, выдвинулась впередъ, получила новое освѣщеніе и изъ эпизодической стала одною изъ главныхъ, какъ вполне уясняющая и оправдывающая Сабину съ болѣе нравственной стороны, чѣмъ тѣ матеріальные расчеты, изъ-за которыхъ она рѣшается въ пьесѣ на женитьбу. Блестящая, знаменитая актриса Рѣпина, въ концѣ концовъ, пасуетъ и ступенывается передъ изящной, полной достоинства и обаятельности, Олениной: въ этомъ драмѣ, въ этомъ началѣ того роковаго конца, при которомъ Рѣпина отравляется на сценѣ, не будучи въ силахъ перенести свое униженіе... Очень жаль, что г-жа Лешковская

сравнительно мало играла въ этотъ пріѣздъ московскихъ артистовъ. Будемъ надѣяться, что въ слѣдующій разъ мы будемъ счастливѣе и чаще увидимъ артистку во всемъ блескѣ ея дарованія.

Остается подвести итоги... Изъ 15-ти спектаклей г-жа Ермолова участвовала въ восьми, играя въ шести драмахъ; г-жа Лешковская играла всего пять разъ; г-жа Никулина показала тоже пять разъ, въ томъ числѣ два раза въ новыхъ роляхъ („Хрущевскіе помѣщики“ и „Перекати-поле“). Г. Музиль игралъ восемь разъ. Г. Садовскаго мы видѣли шесть разъ. Всѣ остальные спектакли замѣнились молодыми артистами, недавно выпущенными изъ театральнаго училища, а въ роляхъ резонеровъ и комическихъ старухъ безсмысленно появлялись г. Макшеевъ и г-жи Каратыгина и Садовская. Конечно, подобное распредѣленіе ролей и спектаклей, даже и при образцовомъ ансамблѣ московской труппы, нельзя назвать практичнымъ, такъ какъ притягательною силою спектаклей все-таки нужно считать участіе главныхъ персонажей. Всѣ эти наиболѣе выдающіяся силы не участвовали вмѣстѣ ни въ одномъ спектаклѣ.

Съ наиболѣе успѣшнымъ ансамблемъ прошли слѣдующія пьесы: „Волки и овцы“, „Сафо“, „Федра“, „Хрущевскіе помѣщики“, „Таланты и поклонники“, „Гроза“, „Друзья дѣтства“, „Перекати-поле“, „Послѣдняя воля“ и водевили: „Шато-икемъ“ и „Шапки“. Комедія „Безъ вины виноватые“, можно сказать, не имѣла успѣха (г-жа Никулина должна была здѣсь играть роль своего анклава, актрисы Кручинной). Остальныя пьесы: „Марія Стюартъ“, „Татьяна Рѣпина“, „Свои люди—сочтемся“, пользовались среднимъ успѣхомъ, не пропорціональнымъ, впрочемъ, сборамъ. Полный сборъ дала только одна „Марія Стюартъ“, довольно многолюдно было на всѣхъ спектакляхъ съ г-жою Ермоловой и на первомъ представленіи („Волки и овцы“); немного публики было на пьесахъ: „Свои люди—сочтемся“, „Друзья дѣтства“, „Послѣдняя воля“, „Безъ вины виноватые“ и на повтореніи ком. „Таланты и поклонни-

ки“, несмотря и на участіе М. Н. Ермоловой. Такимъ образомъ, большинство публики видѣло г-жу Лешковскую только въ ком. „Волки и овцы“ да въ „Татьянѣ Рѣпиной“; въ драмѣ же „Друзья дѣтства“ и въ комедіяхъ „Перекати-поле“ и „Послѣдняя воля“, гдѣ у г-жи Лешковской лучшія роли, артистку видѣли немногіе... Къ концу спектаклей г-жа Лешковская, супруги Садовскіе и г. Музиль уѣхали въ Москву. Г-жа Никулина производила фуроръ въ роли Глаши Недососовой („Хрущевскіе помѣщики“), восхищала всѣхъ въ роляхъ Липочки, Варвары („Свои люди“ и „Гроза“) и Третьяковой („Перекати-поле“). Гг. Музиль и Садовскій во всѣхъ роляхъ, какія исполняли, вызывали общій восторгъ и удивленіе. Изъ прочихъ артистовъ правилась публикѣ гг. Макшеевъ, Багровъ, Горевъ и г-жи Панова, Турчанинова, Каратыгина (послѣдней приходилось играть и Энону въ „Федру“) и Ермолова-Кречетова, игравшая довольно часто.

Семь лѣтъ назадъ, въ первый пріѣздъ артистовъ Императорскаго Московскаго Малаго театра, въ Большомъ театрѣ было люднѣе, веселѣе и параднѣе... По тогда наши московскіе гости-артисты явились къ намъ по-первыхъ, въ полномъ составѣ и во-вторыхъ, въ Варшаву они пріѣхали впервые, до нихъ мы не видѣли здѣсь ни одной русской труппы... Послѣ побывали у насъ труппы О. А. Корна, А. М. Яковлева, малороссы, петербургская драматическая труппа съ М. Г. Савиной... Въ теченіе семи лѣтъ эти труппы, вмѣстѣ съ другими, заглядывавшими къ намъ, ставили тѣ же пьесы, которыми открылись спектакли и московскихъ артистовъ въ послѣдній пріѣздъ. М. Н. Ермоловой и Е. К. Лешковской, тѣмъ не менѣе, варшавскіе обитатели не видали, и да сожалѣютъ тѣ изъ нихъ, кто не увидѣлъ этихъ артистокъ теперь. Ф.

Поправка. Въ началѣ статьи, въ № 156 вкрались слѣдующія опечатки. Напечатано: въ 3-мъ столбцѣ, 12—13 строки сверху „трагической“, вмѣсто **трагической**, въ 4-мъ столбцѣ, 27-й строка снизу, „по роднѣ“, вмѣсто **по родинѣ**.

* Окончаніе. См. № 156 *Варш. Дн.*